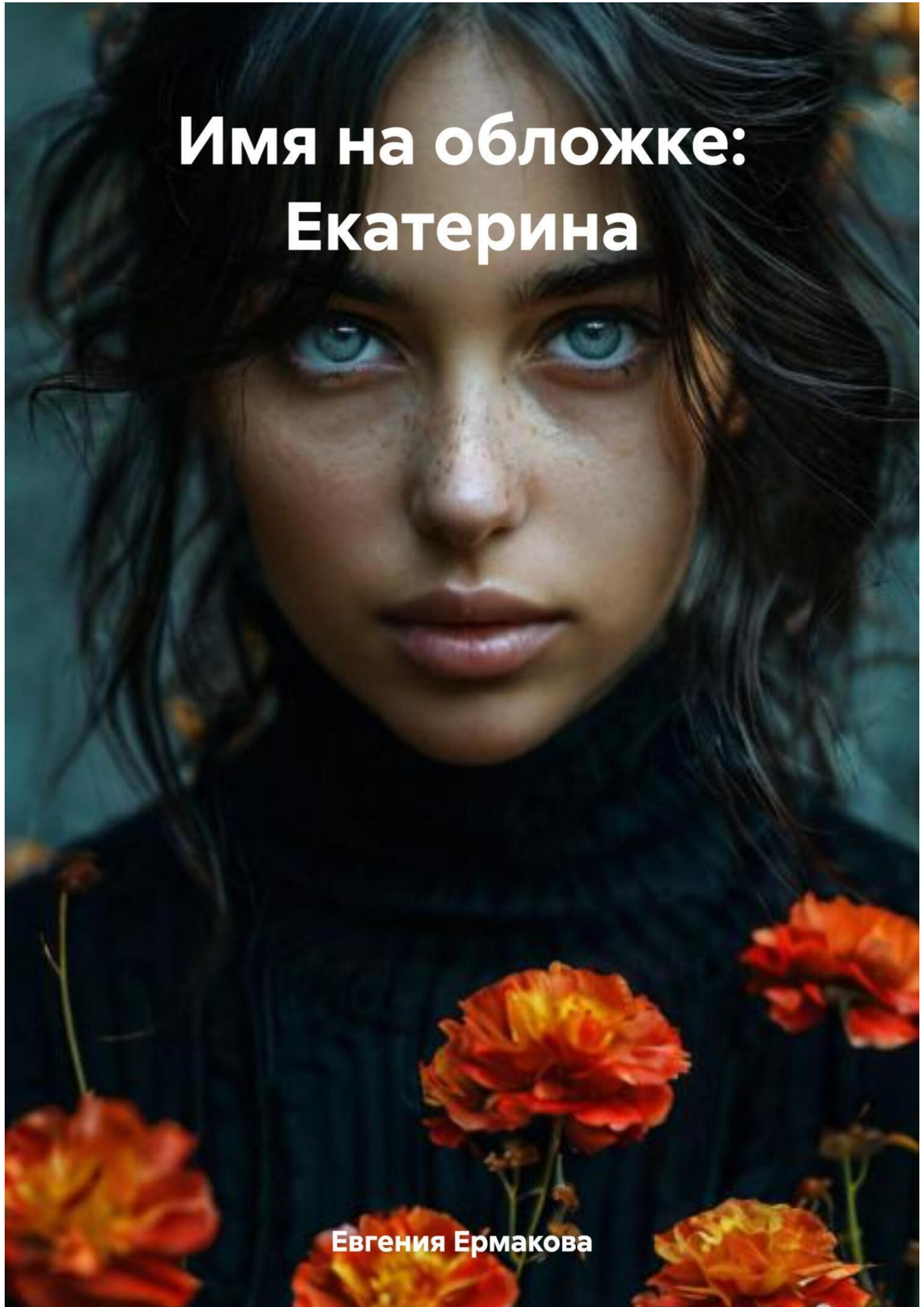

Имя на обложке: Екатерина

Евгения Ермакова

Евгения Ермакова

Имя на обложке: Екатерина

«Автор»

2025

Ермакова Е. О.

Имя на обложке: Екатерина / Е. О. Ермакова — «Автор», 2025

Я ушла из жизни, и теперь не знаю, что будет дальше. Могу сказать одно: умирать очень больно — не только физически, но и душевно. Рядом не было моей дочери, сына, внуков. Я умерла среди чужих людей, и это огорчает.

© Ермакова Е. О., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Начало	6
Глава 2. Павел	10
Глава 3. Семейная жизнь	15
Глава 4. И это пройдёт	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Евгения Ермакова

Имя на обложке: Екатерина

Я лежала на больничной койке и не могла уснуть. Мешали болтливые соседки по палате и острая нехватка кислорода. Конец был так близок, смерть буквально стояла за дверью, а я была совершенно одна. Не было рядом детей, внуков и любимого мужа. И все, что мне оставалось, просто принять свою участь.

Глава 1. Начало

Детство в преддверии войны

Я появилась на свет в конце 30-х годов, когда мир ещё жил иллюзией спокойствия, но уже накрывался тенью великого бедствия. Европа гудела от тревожных новостей: нацистская Германия готовилась к войне, аннексировала соседние территории, а Советский Союз то подписывал пакты о ненападении, то присоединял новые земли. Но в нашей деревне мало кто задумывался о большой политике. Люди жили своим трудом, сеяли хлеб, растили скот, растили детей, надеясь, что беды пройдут стороной.

Я родилась в семье крестьян, крепких духом и руками. Нас было четверо у родителей. Но к концу войны остались трое. Моя младшая сестра, Надежда, умерла, не успев узнать, что такое жизнь.

Мне было не больше пяти лет, но это воспоминание будто выжжено в памяти. Я помню, как мама сидела у её колыбели, неподвижная, словно каменная статуя. Она смотрела в одну точку, не замечая ни нас, ни темноты за окном, ни холода, пропитавшего стены дома. Никто не знал точно, отчего ушла Наденька. Может, от голода, может, от болезни. Тогда умирали часто, особенно дети.

Была война, и жизнь меркла перед лицом смерти. В городах полыхали пожары, с фронта приходили похоронки, но в нашей семье самая страшная утрата случилась тихо, без громких слов и выстрелов. Только тяжёлое молчание, прерываемое редкими вздохами матери, да тусклый свет керосиновой лампы, которая горела всю ночь.

Надежде не было и года. Она даже не успела научиться говорить, но я помню её крошечные ручки, как она тянулась к матери, как лепетала что-то невнятное. А потом вдруг перестала.

Маленькое воспоминание большого горя.

Я не успела долго быть ребёнком. В наше время детство – это период заботы, игр и беззаботности. Но тогда оно было роскошью, позволить которую себе могли немногие. Уже в пять лет я умела ухаживать за домашней живностью: знала, как кормить уток, кур, как подсыпать соломы, чтобы им было теплее зимой. Мы с сёстрами не просто помогали по дому, а работали наравне со взрослыми. Подметали двор, пололи огород, таскали вёдра с водой. Это не казалось нам чем-то исключительным – так жили все.

Но когда началась война, трудности стали не просто бытом, а борьбой за выживание. Запасы быстро истощились, животных пришлось отдать в колхоз или забить, чтобы хоть немного продлить существование семьи. Я не помню, чтобы мы когда-либо наедались досыта. Всё, что можно было съесть, шло в дело: травы, картофельные очистки, замёрзшие ягоды, сухие корки чёрного хлеба, размачиваемые в воде. Иногда удавалось достать ложку муки, развести её кипятком, и это считалось обедом.

Мой внук, слушая мои рассказы, не мог понять, как мы выжили.

– Бабушка, а почему вы не замёрзли в землянке? Там же холодно!

Я только качала головой. Что я могла ей ответить? Разве можно объяснить, как человек цепляется за жизнь, даже когда кажется, что она уходит сквозь пальцы? Просто чудо. Чудом спаслись, чудом выкарабкались.

И это чудо сделало меня другой. Я научилась ценить каждую крошку хлеба, каждую нитку ткани, каждый кусочек мыла. Я стала экономной, бережливой, привыкла обходиться малым. Даже когда времена изменились, и можно было позволить себе больше, я по привычке во многом себе отказывала. Иногда слишком сильно.

Помню, как мы с сёстрами делили одно платье на троих. Одну пару сандалий носили до дыр, подшивали, чинили, но всё равно ходили с голыми пятками. Сейчас одежда доступна, её можно купить в любом количестве, но тогда мы завидовали тем, у кого было хотя бы два платья. Они выглядели опрятно, а мы чаще оставались дома, потому что не в чем было выйти.

Позже, когда война закончилась, жизнь постепенно налаживалась. У нас появились коровы, куры, гуси, кролики. Но это не сделало её лёгкой. Всё равно приходилось бороться за каждый кусок хлеба, за каждую копейку. Жизнь не щадила, но и мы не сдавались.

Школа, дружба и любовь к Родине

Учёба мне давалась нелегко. Я не была отличницей, не блистала знаниями, но всегда старалась. В школе не было особых привилегий, учителя относились ко всем одинаково. Мы учились в холодных классах, часто сидели в верхней одежде, потому что печки едва прогревали помещение. Краска на партах была облупленной, чернильницы врезаны в дерево, а вместо тетрадей мы иногда использовали старые газеты или писали между строк уже исписанных страниц.

Но, несмотря на это, я любила школу. Там было тепло не только от печки, но и от людей.

Мы дружили без выгоды, искренне. Никто не интересовался, сколько у кого коров в хозяйстве или есть ли у тебя новое пальто. Для нас не существовало деления на бедных и богатых, потому что богатых просто не было. Все были равны, и в этом было что-то особенное.

Каждый приносил в класс кусочек своей жизни. Кто-то рассказывал, как их отец вернулся с фронта и теперь работает кузнецом, кто-то делился тем, как их мама шьёт одежду на продажу, чтобы прокормить семью. Мы находили общие темы, читали друг другу книги вслух, обсуждали Гоголя, Лермонтова, Пушкина. Некоторые мальчишки мечтали стать лётчиками или моряками, девочки – учителями или врачами.

Мы искренне любили Родину. И это была не просто фраза, не что-то навязанное сверху. Патриотизм был естественной частью нашей жизни.

Война оставила в каждой семье свой след. У кого-то не вернулся отец, у кого-то погибли братья, кто-то жил с матерью, которая носила чёрный платок и каждый вечер молча сидела у печи, глядя в огонь. Мы понимали, что нам выпала жизнь, потому что кто-то отдал свою.

Нам не надо было объяснять, почему важно трудиться, помогать друг другу, быть честными. Мы видели, как взрослые работают с утра до ночи, как отдают последнее, чтобы дети не знали голода. Мы знали, что Родина – это не только страна, но и семья, соседи, друзья, с которыми делили кусок хлеба и школьную парту.

В те годы мы верили в будущее. И, может быть, именно эта вера помогала нам идти вперёд, несмотря на все трудности.

Моя мама умирала медленно. Болезнь выжигала её изнутри, как тлеющий уголёк, оставляя только боль и слабость. Она таяла день за днём, словно свеча, становилась всё меньше, всё прозрачнее.

Я сидела у её постели, держала её исхудавшую, почти невесомую руку и пыталась запомнить каждую черту её лица. Глаза, когда-то тёплые и наполненные жизнью, теперь были полны боли. Но не физической. Это была другая боль – осознание, что она уходит, что больше не увидит нас, не обнимет, не накроет на стол, не рассмеётся, когда мы всей семьёй соберёмся вместе.

– Катя... – шептала она, её голос был слабым, еле слышным. – Скажи честно, что со мной?

Я сжала её ладонь, сглотнула комок в горле, но слова так и не нашла.

Мы с сёстрами молчали до самого конца. Нам казалось, что знание правды убьёт её раньше. Врачи ничего не могли сделать. В то время диагноз «рак» звучал как смертный приговор.

вор, без шансов, без надежды. Что нам оставалось? Мы думали, что если не скажем, она будет бороться до последнего. Может, это была ошибка. Но как сказать матери, что её дни сочтены?

Каждый день она угасала, а я не могла с этим ничего поделать. Только сидеть рядом, приносить ей воду, поправлять одеяло, шептать что-то успокаивающее, хотя сама едва могла дышать от ужаса.

Отец ушёл раньше

Отец умер внезапно. Он просто не проснулся однажды утром. Ему было не так уж много лет, но жизнь забрала у него всё, что могла: силы, здоровье, надежду. Он был человеком, который нес на себе всю семью, держал нас, как фундамент держит дом. А потом этот фундамент треснул, и ничего не осталось.

Я не успела даже попрощаться. Он просто... исчез.

Его смерть не была такой мучительной, как у матери. Он не страдал, не ждал неизбежного, не смотрел в глаза смерти. Но мне казалось, что с мамой ушло что-то большее, чем просто человек.

С её уходом ушло само ощущение дома.

Старшая сестра, Серафима, тогда только родила второго сына. Малышу было всего несколько недель, когда мама умерла. Но её горе было таким всепоглощающим, таким диким, что даже материнский инстинкт не мог пробиться сквозь него.

– Лучше бы умер Иван, чем моя мамочка! – кричала она на похоронах, захлёбываясь слезами.

Она бросила младенца прямо в кроватке, а сама сидела у гроба, раскачиваясь из стороны в сторону, не слыша ни наших голосов, ни плача ребёнка. Мы с сестрой нянчили мальчика по очереди, кормили его коровьим молоком, потому что Серафима была не в состоянии даже взять его на руки.

Я тогда боялась, что она не справится, что так и останется в этом горе, не сумеет выбраться.

Но через время боль чуть отступила. Она взяла сына на руки, впервые посмотрела на него осмысленно и прошептала:

– Прости меня, Ванечка...

Её трясло, слёзы текли по щекам, но я знала, что в этот момент она вернулась. Пусть сломленная, пусть ослабевшая, но вернулась.

Иван, к счастью, был слишком мал, чтобы помнить всё это. Он не знал, что в первые недели жизни его никто не обнимал, никто не укачивал по ночам. Он просто жил, как жили и мы. Через боль, через потери, через всё, что бросала нам жизнь.

И мы выстояли. Мы всегда выстаивали.

Почему я рассказываю это?

Возможно, вам интересно, зачем я начинаю с самого начала. Почему рассказываю не только о себе, но и о боли, о войне, о голоде, о потерях? Всё просто: невозможно понять человека, не зная, через что он прошёл. Нельзя понять мою жизнь... и, что важнее, мою жизнь после смерти, если не знать, какой она была до.

Теперь, когда мне открылись новые горизонты, я смотрю на своё прошлое иначе. Я вижу себя маленькой девочкой, которая в пять лет уже кормила кур и уток. Я вижу подростка, завидующего чужому платью, но не осознающего, что за ним тоже стоит чья-то борьба. Я вижу женщину, которая всю жизнь считала деньги, боялась потратить лишнюю копейку, потому что так привыкла, потому что голодное детство оставляет след на всю жизнь.

Я слишком много жалела себя и близких. Слишком часто думала о том, что не смогла изменить. Я прокручивала в голове прошлое, снова и снова, пытаясь найти моменты, где можно было поступить иначе. Но какое это теперь имеет значение? Прошлое нельзя вернуть.

Жалею ли я о чём-то? Да.

Я жалею, что не позволила себе больше радости. Что слишком долго жила в страхе перед будущим, перед нехваткой, перед тем, что завтра может не быть куска хлеба на столе. Я жалею, что не позволяла себе лишнего – нового платья, сладкого чая, бесполезной, но красивой вещицы. Жалею, что редко позволяла себе просто сесть и ничего не делать, насладиться моментом, потому что всегда была работа, всегда были дела.

Я понимаю, почему так было. Так нас учили: трудись, терпи, не трать лишнего. Радость – это прихоть, деньги – на чёрный день, отдых – только если совсем свалишься с ног. Но если бы я знала тогда, что впереди – вечность, я бы, наверное, жила чуть иначе.

Если моя история научит вас чему-то, пусть это будет одно: цените жизнь, пока она у вас есть.

Позволяйте себе радоваться, пока для этого есть время. Не бойтесь потратить лишнюю минуту на разговор с близкими, не бойтесь смеяться громко, просто потому что весело. Не откладывайте счастье на потом.

Потому что «потом» может и не быть.

Глава 2. Павел

Встреча, которая изменила всё

Павла я встретила на работе. В то время я только устроилась на кирпичный завод помощником главного бухгалтера. Мне было всего 20 лет, и это было для меня чем-то большим, чем просто новая должность. Я ощущала себя взрослой, самостоятельной, готовой к новой главе жизни. Мне хотелось учиться, разбираться в сложных бухгалтерских тонкостях, доказывать себе и окружающим, что я достойна этого места.

Я была молода, полна энергии, с горящими глазами и жадой нового. Тогда, по старым меркам, я считалась привлекательной: русая коса, тяжёлые густые волосы, крепкое телосложение. В те времена никто не гонялся за хрупкостью и истощённой стройностью. Ценилось здоровье, умение работать, жизненная сила.

– Катя, тебе бы мужа хорошего, да деток побольше! – частенько говорили мне женщины постарше, с которыми я пересекалась на заводе.

Они говорили это с доброй улыбкой, по-родственному, как будто желали мне самого лучшего. Я только смеялась в ответ. Мне тогда казалось, что вся жизнь впереди, и думать о семье ещё рано. Я была увлечена работой, открытием для себя нового мира, где цифры и отчёты складывались в сложную, но понятную систему.

Я не знала, что впереди меня ждёт встреча, которая изменит всё. Встреча, после которой уже не будет прежней уверенности, что семья и любовь – это что-то далёкое, несвоевременное. Тогда я ещё не догадывалась, что судьба уже ведёт меня к человеку, который станет для меня всем.

Работа мне нравилась, но учиться приходилось в непростых условиях. Главный бухгалтер, Елена Петровна, была женщиной с тяжелым характером. Она словно сама была сделана из кирпичей, которые выпускал наш завод – крепкая, выносливая, с суровым взглядом, способным одним движением бровей осадить любого.

Седина лишь начинала пробиваться сквозь густые чёрные волосы, но это не добавляло ей мягкости. Брови – резкие, нахмуренные, как будто природа сразу заложила в них недовольство. А под носом виднелись тонкие усики, которые я замечала, но старалась не разглядывать слишком пристально. Казалось, если спросить её про них, она испепелит взглядом и внесёт в список личных врагов.

С первого дня я поняла, что просто так она меня учить не будет.

– Елена Петровна, а как правильно составить товарно-транспортную накладную? – осторожно спрашивала я, стараясь звучать уверенно, но не нагло, чтобы не вызвать раздражение.

Она закатывала глаза так, словно я попросила её решить уравнение со ста неизвестными, потом что-то недовольно бормотала себе под нос. Иногда ограничивалась коротким ответом, а иногда вставала, начинала ходить по кабинету, потрясая в воздухе карандашом, словно мечом.

– Мне некогда обучать молодёжь! – ворчала она, резко садясь за стол и принимаясь стучать по калькулятору так, будто он был виноват во всех её бедах. – Ты что, сама не можешь разобраться? Книги, инструкции – всё есть! Вон в шкафу! Открывай, читай! Или что, тебя в институте не научили думать?!

Я знала, что спорить бесполезно. Просто кивала, открывала папку и пыталась разобраться сама. Каждый мой вопрос превращался в десятиминутную лекцию, где сама суть ответа терялась за потоком её раздражённого возмущения.

Но бухгалтерией её рабочие будни не ограничивались. Елена Петровна следила не только за цифрами, но и за жизнью каждого человека на заводе. Она знала, кто с кем дружит, кто тайно встречается, у кого какие проблемы.

– А ты знаешь, что у Галины-то муж гуляет? – однажды сказала она, откладывая ручку и сдвигая очки на кончик носа. – Я тебе говорю, приходил сюда один раз с цветами. А кому? Галине? Да нет, Ирке с участка! Да-да! Видела я!

Я делала вид, что сосредоточена на бумагах, но она не унималась.

– А дочь моя – предательница. Вышла замуж без моего благословения! Уехала в город! Теперь, видите ли, культурная стала! Не звонит, не пишет! А если и позвонит, то только потому, что ей что-то надо!

В такие моменты мне оставалось лишь кивать и ждать, пока её пыл утихнет. Я знала, что если попасть под горячую руку и случайно сказать не то слово, то можешь оказаться в центре её следующей «аналитической» беседы.

И всё же, несмотря на её вспыльчивость и тяжёлый характер, Елена Петровна была мастером своего дела. Я понимала: если выдержу её суровую школу, то смогу справиться с любыми сложностями.

Новый водитель – и новый объект для сплетен

Когда на завод пришёл новый водитель, я поняла, что в ближайшие дни Елена Петровна будет особенно воодушевлена. Её страсть к обсуждению чужих жизней не знала границ, а появление незнакомого человека было для неё чем-то вроде подарка судьбы – свежая тема для пересудов.

Она ворвалась в кабинет, с важным видом поправила очки и театрально вздохнула, словно только что узнала великую несправедливость.

– Видела его? Павел, кажется? – начала она, наклоняясь ко мне так, будто делилась государственной тайной.

Я оторвалась от бумаг, хотя заранее знала – сопротивление бесполезно. Если она решила что-то обсудить, обсуждение состоится.

– Говорят, его отец сидел за воровство! Позор! Я бы людям на глаза не показывалась! А он ходит довольный, будто ничего и не было!

Она сжала губы, демонстрируя, насколько ей противна эта несправедливость. В её голосе звучало настоящее негодование, будто этот Павел лично совершил какое-то преступление.

Я слушала молча, скрывая раздражение. Вообще, мне было сложно понять, как можно судить человека по поступкам его родственников. Да и слухи на заводе распространялись быстрее, чем горячие пирожки на базаре. Сегодня один обвинён в нечестности, завтра – в измене, послезавтра – в растрате.

Я не ответила, а просто продолжила работать, но в голове всё же отложилось: интересно было бы взглянуть на этого Павла. Какой он? Действительно ли такой, каким его рисует Елена Петровна?

Когда я увидела его впервые, то поняла, насколько сильно реальность отличалась от заводских сплетен.

Он был высоким, худощавым, с прямой осанкой и лёгкостью в движениях, словно ему неведомо чувство усталости. Светлые волосы чуть растрёпаны, взгляд спокойный, добрый, но внимательный, будто он замечает в людях больше, чем они хотят показать.

Его улыбка была настоящей – не натянутой, не дежурной, как у многих. В ней не было ни тени высокомерия, ни следов грубости. Это был человек, который, кажется, не привык держать зла, не копил обид и не оглядывался на прошлое, каким бы оно ни было.

Я несколько раз замечала, что он смотрит на меня, когда я прохожу мимо. Взгляд его не был пристальным, вызывающим, но и случайностью его назвать было сложно.

Но я и подумать не могла, что интересна ему.

Неожиданное предложение

Рабочий день подошёл к концу, и я, как обычно, спешила на автобус. Вечерний воздух был свежим, пахло пылью с завода и чем-то тёплым, знакомым – может, только что испечённым хлебом из ближайшего магазина. Я взглянула на дорогу: автобус уже отходил, а следующий будет нескоро.

И тут услышала за спиной ровный, уверенный голос:

– Катя, подвезти?

Я вздрогнула и обернулась. Павел стоял рядом, держа руки в карманах, с привычной лёгкой улыбкой на губах.

Предложение было простым, без намёков, без давления. Но мне стало не по себе – не от страха, а от какой-то внутренней неуверенности. До этого момента он смотрел на меня, иногда улыбался, но никогда не заговаривал первым. Почему сейчас?

Может, ему просто по пути? Может, он предложил бы подвезти кого угодно, и я зря ищу скрытый смысл?

Но автобус я действительно почти упустила. Пешком идти далеко, да и темнело уже.

– Ладно, спасибо... – ответила я чуть тише, чем собиралась.

Он кивнул, словно ожидая именно этого ответа, и мы вместе пошли к его машине.

КАМАЗ казался мне огромным, грубым, совсем не похожим на те машины, на которых я когда-либо ездила. Когда я забралась в кабину, сиденье оказалось жёстким, но мне нравился запах – смесь свежего дерева, старого железа и чуть уловимого аромата табака.

Мы ехали молча. Я ощущала его присутствие рядом – спокойное, уверенное, но не давящее. Несколько раз он пытался завести разговор:

– Тебе далеко до дома?

– Не очень...

– Работа нравится?

– Да, нравится...

Я не знала, почему так стесняюсь. Мне хотелось говорить, но слова словно застревали в горле. Я боялась показаться слишком болтливой или, наоборот, скучной.

Павел больше не настаивал, просто вел машину, время от времени бросая на меня короткие взгляды.

Когда мы подъехали к моему дому, он заглушил мотор и спокойно сказал:

– Спокойной ночи, Катя.

Я кивнула, пробормотала:

– Спасибо, что подвёз.

И уже было собралась выйти, но, сделав пару шагов к воротам, не удержалась и обернулась.

Он всё ещё был там. Машина стояла на месте, а он смотрел мне вслед, не уезжал, пока я не скрылась за дверью дома.

Мне стало тепло, но я не понимала, почему. Я даже не знала, что именно почувствовала в этот момент – лёгкость? Смущение? Или что-то новое, ещё не знакомое мне?

В тот вечер я долго не могла уснуть. Мы почти не говорили, и всё же это было важнее любых слов.

Мне никогда не уделяли такого внимания.

История семьи и знакомство с матерью

Павел постепенно становился частью моей жизни. Мы часто разговаривали, и чем больше я его узнавала, тем сильнее удивлялась, насколько он был другим – не таким, как о нём судачили люди, не таким, каким его представляла Елена Петровна.

Однажды, в один из вечеров, когда солнце уже клонилось к горизонту, заливая заводские стены тёплым светом, мы задержались на крыльце бухгалтерии. Павел курил, задумчиво смотрел вдаль, а я медлила с уходом. Мне нравилось слушать его, пусть он и не был многословен.

И вдруг, как бы между делом, он упомянул, что его отец действительно сидел в тюрьме.

Я напряглась, но постаралась не показать удивления.

– За что? – осторожно спросила я, не зная, стоит ли вообще задавать такой вопрос.

Павел затянулся, выдохнул дым в морозный воздух и ответил спокойно, как будто рассказывал не о своей семье, а о каком-то далёком знакомом.

– За мешок муки. Во время войны. Хотел прокормить семью. Поймали, посадили. А мама одна тянула троих детей.

Я смотрела на него, пытаясь осознать эти слова. Как можно осуждать человека, который просто хотел спасти своих родных? Тогда было страшное время, и люди шли на отчаянные поступки не от жадности, не из корысти, а просто чтобы выжить.

– И ты... ты не винишь его? – тихо спросила я.

– А за что? Он не украл ради наживы, он не торговал чужой бедой. Он просто хотел, чтобы дети не умерли с голоду. Это разве преступление?

В его голосе не было злости, не было обиды. Только твёрдость, понимание, принятие.

И я тоже не могла осуждать.

Позже Павел познакомил меня со своей матерью.

Зима выдалась особенно суровой. Мороз щипал щёки, снег скрипел под ногами, укладываясь мягким пушистым покрывалом на землю. Мы шли пешком, потому что у Павла не было своего транспорта, а я, несмотря на холод, чувствовала какое-то приятное волнение.

Какая она, женщина, которая одна подняла троих детей? Будет ли она доброжелательной? Примет ли меня?

Дом оказался небольшим, но крепким, с заиндевевшими ставнями и трубой, из которой валил густой дым. Мы подошли к крыльцу, и дверь тут же распахнулась, словно нас уже ждали.

– Проходи, моя девочка, не стесняйся! – голос Лидии Ивановны был тёплым, обволакивающим, как шерстяной платок.

Я поспешно сняла дублёнку, пуховый платок, отряхнула валенки от снега. В доме было тепло, пахло печёными пирогами, топлёным молоком и чем-то ещё, родным и уютным.

Лидия Ивановна оказалась женщиной невысокой, крепкой, с добрыми голубыми глазами. В её облике не было старости, но годы тяжёлой работы наложили на лицо следы усталости – тонкие морщины у глаз, твёрдость в движениях, привычку держаться собранно.

Мы ещё не успели толком присесть, как она заговорила:

– Ну, когда свадьбу играть будем? В мае самое время. Не холодно, не жарко.

Я едва не поперхнулась воздухом.

Павел, кажется, тоже. Он растерянно посмотрел на мать, а та, будто не замечая нашего замешательства, продолжала:

– Только вот с жильём беда... У нас есть сарай, летом там можно пожить. А там, глядишь, завод вам квартиру даст!

Я не знала, как реагировать. У меня не было никаких планов, я даже не думала о свадьбе, а тут уже и жильё мне нашли!

Я украдкой посмотрела на Павла. Он молчал, но не протестовал. Просто кивал, словно знал, что спорить бесполезно.

Внутри всё смешалось – смущение, удивление, тихая радость. Я не была уверена, что готова к такому повороту, но одно я знала точно: в этом доме меня приняли, как родную.

Свадьба без предложения

Через несколько месяцев мы поженились.

Свадьба была скромной, но весёлой – такой, какими тогда были почти все свадьбы. Без дорогих ресторанов, без пышных белых платьев с длинными шлейфами, без профессиональных фотографов, которые могли бы запечатлеть каждый миг. Всё было просто, по-советски. Собрались родные, соседи, друзья с завода. Кто-то принёс самодельные закуски, кто-то поставил на стол бутылку водки, а Лидия Ивановна сама испекла огромный каравай, который разламывали и раздавали гостям.

Я стояла в скромном голубом платье, которое сшила сама. Тогда мало кто мог позволить себе дорогие наряды, да и выбора в магазинах было немного. Белые платья шли по разнарядке для официальных свадеб, а у нас была свадьба домашняя, «для своих».

За столом гремели тосты, смеялись, пели частушки, кто-то уже вовсю отплясывал под гармонь. И только один человек смотрел на меня с выражением крайнего недоверия.

Елена Петровна.

Она сидела в углу, не ела, не пила, а только качала головой, хмуря свои суровые брови. Её возмущение наконец прорвалось наружу, когда мы с Павлом встали, чтобы принять поздравления.

– Да что он в тебе нашёл? – покачала она головой и даже всплеснула руками, будто не могла поверить в происходящее.

Я услышала, но не обратила внимания. Пусть говорит. Пусть качает головой, удивляется, негодует.

Я была счастлива.

Меня ни разу не смутило, что Павел не делал мне официального предложения, не вставал на одно колено, не покупал кольцо с бриллиантом. Да какие там бриллианты? В советское время даже обычные золотые кольца были дефицитом. Женились без лишнего пафоса, потому что так было принято.

Сейчас девушки мечтают о красивых признаниях, ждут романтических слов, сюрпризов, чуть ли не фейерверков под звёздным небом. А мне этого не нужно было.

Я просто знала: если бы Павел меня не любил, он бы не женился.

Разве для счастья нужно что-то большее?

Глава 3. Семейная жизнь

Начало совместной жизни

Свадьба прошла, и мы с Павлом начали нашу новую жизнь. Вопрос жилья решился просто: чтобы не мешать его родным в маленьком доме, первые месяцы мы жили в сарае.

Да-да, сарай. Но не думайте, что это был какой-то заброшенный хлев с паутиной, гвоздями, торчащими из стен, и старым сеном в углу. На самом деле там было уютно, насколько это вообще возможно в таких условиях.

Павел прибил полки, чтобы нам было удобнее складывать вещи. Лидия Ивановна помогла занавесками – повесила их на маленькое оконце, и сарай сразу стал похож на дом. Мы постелили чистую подстилку на кровать, которую Павел сам сбил из деревянных досок, расстелили на полу коврик, чтобы не ступать на голые доски, а в углу поставили керосиновую лампу – единственный источник света по вечерам.

Электричества у нас не было. Это создавало трудности, но летом мы особо не страдали. Дни были длинные, тёплые, и вечерами, уставшие, но счастливые, мы сидели во дворе, греясь в последних лучах заходящего солнца.

– О, вот и Кассиопея! – говорил Паша, всматриваясь в тёмное небо, где медленно зажигались звёзды.

Я молча кивала и чувствовала себя абсолютно счастливой.

Я и не думала, что можно жить вот так – без удобств, без кухни, без горячей воды – и при этом не чувствовать себя обделённой. Мне казалось, что этот период нашей жизни – что-то особенное, почти волшебное.

Свекровь, которая стала мне матерью

После работы меня ждали не только долгие разговоры с Пашей под звёздным небом, но и хозяйственные заботы. Лидия Ивановна была уже немолода, и я взяла на себя часть домашних обязанностей.

Она всегда готовила нам ужин к нашему приходу – борщ, картошку с мясом, пирожки, пахнущие тёплым тестом и печью. Но посуду мыла неизменно я.

Я не жаловалась. Наоборот, я чувствовала, что хочу делать для неё что-то хорошее. Лидия Ивановна заменила мне и отца, и мать, которых у меня уже давно не было.

Я пыталась быть хоть чуточку похожей на неё. Она была удивительной женщиной – сильной, терпеливой, без капли жалости к себе. Я видела в ней не просто свекровь, а человека, который вынес на своих плечах столько боли и трудностей, что мне и не снилось.

Судьба у неё была тяжёлая. Она редко рассказывала о своём детстве, но иногда, между делом, проскальзывали такие фразы, что от них внутри что-то сжималось.

– Хлеб не выбрасывай, даже если чёрствый. Размочишь в молоке – и будет мягкий. В войну и такого не видели...

– Картошку чисти аккуратно, кожура должна быть тонкой. Вон сколько под ней ещё мякоти...

Она была бережливой до глубины души. У неё в шкафу висели вещи, которые она берегла для «особого случая». Только вот этот случай так и не наступал. Она не требовала многого, жила скромно, довольствовалась тем, что было.

Как-то раз я заметила, что она ходит в старом халате, хотя в сундуке лежал новый, красивый, с цветочным узором.

– Лидия Ивановна, а чего ж вы этот не носите? – спросила я.

Она усмехнулась, махнула рукой.

– А куда мне наряжаться? В поле, что ли? Или на кухню? Пусть лежит, вдруг пригодится.

Но я знала – она просто не привыкла думать о себе. Она жила ради детей, ради работы, ради завтрашнего дня.

И мне так хотелось, чтобы у неё тоже было что-то хорошее. Чтобы она почувствовала себя не просто женщиной, которая вынуждена всю жизнь экономить, а человеком, который заслужил радость.

Я не знала, как сделать её счастливой, но знала одно – теперь это была моя семья. И я готова была ради неё на многое.

Наша семейная жизнь и первые шаги к дому

Возвращаясь к нашей семейной жизни, хочу сказать, что у нас с Павлом не было так называемой «притирки». Мы не ругались и не ссорились. Может быть, просто боялись задеть друг друга, сказать что-то не так, сделать что-то не так.

Я старалась угодить ему во всём – готовила так, чтобы он всегда ел с аппетитом, старалась держать дом в порядке, не жаловалась на трудности. Он, в свою очередь, заботился обо мне, приносил из города гостинцы, иногда даже оставлял мне последнюю конфету из подаренной коробки – а для мужчины, выросшего в тяжёлые времена, это был высший знак любви.

Если между нами и начинали кипеть страсти – несогласие, обида, усталость, – мы оба вовремя останавливали себя. Павел мог вдруг сказать:

– Ладно, Катюха, чего ругаться? Пойдём лучше на улицу, звёзды считать.

И я смеялась. Как можно продолжать спорить, если он вот так легко всё переводил в шутку?

Мы понимали друг друга без слов. Он знал, когда мне нужно время, чтобы подумать, а я чувствовала, когда он уставший и ему лучше не докучать разговорами. Всё складывалось, как будто так и должно быть.

Наш участок – голая земля и мечты

К осени у Павла получилось добиться земельного участка под индивидуальное строительство. Тогда землю не покупали, её давали работникам завода за заслуги или за стаж. Нам выделили участок – большой, просторный, но абсолютно пустой.

Помню тот день, когда мы впервые приехали на него.

Дул осенний ветер, сухие листья кружились под ногами, и мы стояли, разглядывая эту «голую» землю. Рядом было всего несколько домов – и те на приличном расстоянии. До ближайших соседей надо было идти минут десять.

– Ну, вот и наш двор, Катенька, – с улыбкой сказал Павел, раскинув руки, будто уже видел воображаемые стены нашего будущего дома.

Я ахнула.

– Паша, да тут страшно! Глухомань какая-то!

Рядом раскинулось поле, засеянное хлопком, а чуть дальше начинался густой лес. Меня пугала эта дикая тишина. Я выросла в поселении, где всегда слышались голоса соседей, лаяли собаки, гудели по утрам заводские сирены. А тут – просторы, пустота, только ветер шелестит листьями.

– Ты серьёзно хочешь тут строиться? – спросила я, недоверчиво глядя на него.

Он улыбнулся, приобнял меня за плечи.

– А чего бояться? Волков? Они нас боятся больше.

– Да и не только волки... Здесь даже электричества пока нет.

– Проведём! – уверенно ответил он.

Я смотрела на него и удивлялась: как можно быть таким бесстрашным? Я волновалась, сомневалась, а он уже видел здесь наш дом, наш сад, наш будущий огород.

Как мы начали строиться

Работа на кирпичном заводе сыграла нам обоим на руку.

Я смогла занять деньги у начальства, взяв их из общей кассы под честное слово. В советское время такое было возможно – если ты честный, работающий человек, то тебе верили. Вернули мы их, кстати, менее чем за полгода – как и обещали.

Павел, в свою очередь, смог купить кирпич по себестоимости – ещё одно преимущество работы на заводе. Он договорился с мастером, оформил заказ, и вот, в один из вечеров, он вернулся с работы особенно довольный.

– Ну что, Катюха, поехали за нашим кирпичом?

– Как поехали? На чём?

– На рабочем КАМАЗе! – он ухмыльнулся, весело подмигнул.

Я даже не сразу поверила. Оказывается, он договорился взять машину, чтобы перевезти кирпич на участок.

Я забралась в кабину, и мы поехали. Дорога была ухабистой, КАМАЗ громыхал на кочках, но мне казалось, что это одно из самых радостных путешествий в моей жизни.

Когда мы выгружали кирпич на участок, уже темнело. Я прислонилась к кузову, тяжело дыша после очередного мешка.

– Ты устала? – спросил Павел.

Я кивнула.

– А знаешь, о чём я думаю? – продолжил он.

– О чём?

– О том, что вот тут будет наша веранда. Тут лавочка. И вот тут, смотри, прямо под звёздами – наш дом.

Я посмотрела на него и улыбнулась.

Всё только начиналось.

Стройка и первый временный дом

Стройка шла быстрее, чем я ожидала. Удивительно, как огромное желание и поддержка окружающих могут помочь в возведении дома. Павел был полон энтузиазма, работал без усталости, будто его никто не учил уставать. Я видела, как он выкладывается на заводе, а после работы, вместо отдыха, сразу ехал на участок, проверял материалы, делал замеры, планировал следующий этап строительства.

Конечно, сразу дом мы не построили. Это было бы слишком просто. Мы понимали, что впереди долгий путь, что стены поднимутся не за день и не за месяц, но первый шаг был сделан: залит фундамент, закуплены основные материалы, начата кладка.

Осень вступала в свои права. Дни становились короче, ночи холоднее, а сарай, который летом казался нам пусть маленьким, но уютным уголком, теперь уже не мог служить домом. Без электричества и отопления оставаться в нём было невозможно.

Мы решили временно переехать к двоюродной тёте Павла – Ольге Степановне.

Новая крыша над головой

Ольга Степановна жила одна, и хотя ей было уже за шестьдесят, она была бодрой, подвижной женщиной с быстрым, цепким взглядом и тёплым сердцем.

– Ну, вот и гости! – радостно воскликнула она, когда мы вошли в дом с чемоданом и узелком вещей. – Я уж думала, что придётся мне зимовать в одиночестве!

Казалось, наше присутствие её не напрягало. Напротив, она была рада, что в доме снова раздаются голоса, что по вечерам в кухне слышны разговоры, а утром кто-то ещё хлопочет рядом.

Она поселила нас в маленькой комнате с большой печкой, которая за ночь успевала нагреть воздух так, что утром было тепло и уютно.

– Печка у меня добрая, будет вам как на юге! – смеялась она, пока я складывала вещи в старый комод, который ещё её отец сделал своими руками.

Мы появлялись у неё редко – после работы ехали к Лидии Ивановне, помогали по хозяйству, проверяли стройку, а возвращались только на ночь. Но каждый вечер Ольга Степановна встречала нас с ужином и бесконечными историями.

– Вы ж мои молодые, вам всё интересно! – говорила она, подливая нам горячего чая. – А знаешь, Катюша, как мы раньше дома строили? Всё деревней выходили, помогали. А сейчас всё за деньги, всё за плату...

Я слушала её рассказы, а сама понимала, как сильно мне повезло. Пусть дом пока только в наших мечтах, пусть стены ещё не поднялись, но у нас было место, где нас принимали, кормили, согревали.

Я смотрела на Павла, он улыбался, и я знала – мы обязательно справимся.

Время, которое пролетело незаметно

Я смутно помню то время. Оно бежало так быстро, что я словно не успевала за ним. Казалось, только вчера мы выбирали участок, только вчера Павел привёз первый груз кирпича, а сегодня я уже стою на пороге нашего дома.

Эти месяцы пролетели в бесконечной череде дел и забот, и, если честно, мне даже кажется, что жизнь просто украла у меня несколько месяцев. Я жила в потоке – работа, стройка, быт, снова работа. Иногда я просыпалась утром и не могла сразу вспомнить, какой сегодня день, потому что каждый был похож на предыдущий.

Но, несмотря на всю усталость, я с теплотой вспоминаю то время. Мы были молоды, полны энергии, у нас не было ни страха перед будущим, ни сомнений в правильности нашего пути. Мы не жаловались на трудности, потому что для нас они были чем-то естественным – так жили все вокруг, так жили наши родители, так жили наши друзья.

Стройка продвигалась медленно, но уверенно. Павел брался за любую работу – сам клал кирпич, сам таскал цемент, сам ездил за материалами. Иногда ему помогали друзья, иногда – соседи, но большую часть времени он работал в одиночку.

Я старалась быть рядом, чем-то помочь, хотя толку от меня в строительстве было мало. Но я привозила ему обед, стирала его рубашки, чтобы они не становились каменными от цементной пыли, и просто старалась быть опорой.

Первый дом, первые радости

Следующим летом мы, наконец, вошли в свой дом.

Правда, тогда это ещё сложно было назвать полноценным домом. Он состоял всего из двух комнат. Маленькие окна, свежая штукатурка на стенах, ещё пахло известкой, а в углу стояла печка, которая грела наш крошечный новый мир.

Кухня была отдельной постройкой – небольшой, деревянной, с маленьким столом и старой плитой, которую Павел привёз от кого-то из знакомых. Санузла не было совсем. Мы пользовались уличным туалетом, как, впрочем, и большинство семей в округе.

Мылись в бане. Она находилась в пятнадцати минутах ходьбы от дома, и по вечерам мы брали полотенца, чистую одежду и шли туда, смеясь, разговаривая, обсуждая планы на будущее.

Я помню, как однажды, возвращаясь с бани, мы шли по тропинке через поле. Воздух был свежий, пахло скошенной травой, где-то вдалеке слышался лай собак.

– Ну вот, Катюха, у нас теперь есть дом! – вдруг сказал Павел, сжимая мою руку.

– Ну, не совсем... – улыбнулась я. – Дом без кухни, без ванны, без забора.

– Главное – стены есть! А остальное – доделаем!

Он говорил это с такой уверенностью, что мне и в голову не приходило сомневаться.

Мы были молоды, влюблены, и нам казалось, что мы свернём горы.

Теперь у нас был свой угол, пусть и не идеальный, но наш. Это было начало нашей настоящей жизни.

Наш дом и наш маленький мир

Постепенно наш дом становился настоящим. Вместо двух комнат появилось четыре – мы пристроили спальню, маленькую гостиную и ещё одну комнату, которую Павел называл «на всякий случай». Я знала, что он надеялся, что однажды здесь зазвучит детский смех.

Во дворе выросли хозяйственные постройки – сарай, курятник, загон для кроликов. Поначалу я боялась, что не справлюсь с хозяйством, но жизнь не оставила мне выбора – приходилось учиться всему на ходу.

Мы завели кур, уток, кроликов. Сначала немного – пять кур, пару уток. Но постепенно живности становилось всё больше, и двор наполнился звуками – утренним кудахтаньем, тихим ворчанием уток, стуком кроличьих лапок по деревянным клеткам.

Павел убирал за животными наравне со мной. Он не боялся работы вообще. Даже на выходных не сидел без дела – всегда находил, чем заняться: то забор поправит, то сарай подкрасит, то пойдёт в лес за дровами.

– Паша, да посиди ты хоть немного! – иногда говорила я, наблюдая, как он в очередной раз что-то мастерит во дворе.

Он только отмахивался.

– Ну а что сидеть? Дело есть – надо делать!

Именно это мне в нём нравилось больше всего. Он не был человеком, который жалуется на жизнь, откладывает дела «на потом». Он просто брал и делал, без лишних слов. И мне казалось, что с таким мужчиной мне никогда ничего не будет страшно.

Сюрприз судьбы

Через два года после свадьбы я забеременела.

Это был один из самых счастливых моментов в моей жизни, но... я узнала об этом далеко не сразу.

Мне даже стыдно вспоминать, но тогда, в молодости, я была так далека от понимания женской физиологии, что даже не сразу поняла, что со мной происходит.

Мне не приходило в голову следить за циклом, да и вообще эта тема была запретной. У нас не было таких разговоров – ни с матерью, ни с подругами, ни тем более с мужем. Женское здоровье было чем-то, о чём не принято говорить вслух.

Отсутствие менструаций меня не насторожило. Я думала – усталость, перемены, может, просто организм сбился.

– Что-то ты бледненькая стала, Катюша... – сказала однажды Лидия Ивановна, внимательно вглядываясь в моё лицо.

– Да ничего, устала просто...

Но потом я начала замечать странные вещи. Еда, которую я всегда любила, вдруг стала казаться мне невкусной. Иногда меня мучило без видимой причины. А однажды я почувствовала такой головокружительный голод, что съела два куска хлеба с солью, запила молоком и через минуту поняла, что сейчас всё обратно выйдет.

Только тогда я задумалась.

– Паша, а что если я...

Я не смогла договорить. Слова застряли в горле, потому что я даже не знала, как об этом говорить.

Он посмотрел на меня, прищурился, потом вдруг улыбнулся – тепло, радостно, как-то даже по-другому.

– Ты серьёзно?

Я кивнула, всё ещё не до конца веря в то, что это правда.

– Ну так это ж здорово, Катюха! – он подхватил меня на руки и закружил, смеясь.

Я смеялась вместе с ним, а внутри меня уже зарождалась новая жизнь – наше будущее, наше продолжение.

О беременности я узнала только на четвёртом месяце.

Почему так поздно? Потому что в то время не было УЗИ, не было тестов, не было анализов на ХГЧ, которые сейчас могут показать беременность через пару недель. Никто не бегал по врачам с каждой задержкой, да и менструальным циклом особо не занимались – не пришли в срок, значит, организм устал, заработалась, понервничала. Время тогда было другое.

Я слышала, что сейчас девушки узнают о своей беременности уже на поздних сроках или даже в родильном кресле. Мне это кажется абсурдом. Но, наверное, им так же сложно поверить, что я четыре месяца носила ребёнка и даже не подозревала об этом.

Павел берёт меня, как мог. Мне казалось, что он сдерживает в себе океан эмоций, но не говорит лишних слов, чтобы не тревожить меня. Мы мечтали о малыше – я надеялась, что это будет девочка, а он, как и многие мужчины, ждал сына. Я помню его глаза, когда он гладил

мой живот, говорил с ребёнком, а потом улыбался мне так, словно видел в этом всю свою вселенную.

Я думала, что впереди у нас будет счастливая семья.

Но эта беременность закончилась трагедией.

Тот самый день

Это было тёплое июньское утро, воскресенье.

Солнце уже палило вовсю, воздух в доме был тяжёлым, стоял запах летней жары, пыли и свежевystиранного белья. Я тогда уже была на большом сроке, чувствовала каждый шевеление малыша. Она пиналась так сильно, что порой мне казалось – вот-вот, ещё немного, и она просто возьмёт да выберется наружу сама.

Мы с Павлом решили устроить большую уборку. Так было принято. Тогда беременных не берегли, не укладывали на диван с подушками, не носились с ними, как с фарфоровой куклой. Конечно, были поблажки, но не такие, чтобы позволять себе отдыхать, пока муж делает работу по дому.

– Повесь занавески, пока они влажные, – сказал мне Павел, улыбаясь. – Так они сами расправятся, гладить не придётся. Мама всегда так делает.

– Хорошо, – кивнула я, хотя чувствовала себя неважно.

Жара, слабость, какой-то липкий туман в голове... У меня, видимо, упало давление. Аппетит в тот день был совсем никуда, ела мало, пила тоже. Да кто бы тогда придал этому значение?

Я покорно взяла занавески, поставила табурет.

Всё было в порядке. Я медленно, спокойно дотягивалась до крючков, подвешивала тюль. Работа не сложная, но с моим животом – уже непростая.

Дошла до середины, почувствовала, как плывёт перед глазами. Подумала: «Надо передохнуть».

Осторожно спустилась, присела, подышала. Отпустило.

Продолжила.

Я уже почти закончила, когда вдруг в груди будто что-то сжалось, дыхание перехватило, а в голове вспыхнула вспышка боли. Всё закружилось, поплыло перед глазами. Тюль выпала из рук.

Я ещё пыталась ухватиться за что-то, но руки были слабые, словно чужие.

Табурет под ногами зашатался. Я почувствовала, как меня тянет вниз.

Падение было быстрым, но в эти секунды я прожила целую вечность.

Я помню лицо Павла.

Испуганное. Бледное.

Помню его крик:

– Катя!!!

А потом боль.

Жгучая, разрывающая. Я вскрикнула, но звук будто застрял в горле. Я ещё ничего не понимала, но уже знала – что-то пошло не так.

Павел кинулся ко мне, поднимал, что-то говорил, но я уже почти ничего не слышала.

Боль. Боль. Боль.

Потом был шум в ушах, холодный пол, чьи-то руки. Всё слилось в одно.

Лиза

Я очнулась в больнице.
Потолок. Белый. Холодный.
Всё тело – будто чужое. Я даже не сразу поняла, почему так пусто внутри.
А потом дверь открылась.
Вошла женщина в белом халате, что-то листала в своих бумагах. Голос был сухой, без эмоций, без жалости:
– Вы потеряли ребёнка. Девочка.
Я смотрела на неё, но не слышала. Или не хотела слышать.
Я чувствовала себя пустой. Не было ни крика, ни слёз, ни истерики. Только эта пустота.
– Нужно дать имя, – сказала врач, не отрываясь от своих бумаг. – Документы оформить надо.
Имя.
Как назвать ту, кого я не успела увидеть?
Ту, которую я носила под сердцем, но не успела взять на руки?
Я закрыла глаза. Всё тело онемело, но в сердце будто что-то сжалось, так сильно, что казалось, оно просто разорвётся.
– Лиза, – прошептала я.
Лиза.
Так бы я назвала её, если бы всё было иначе.
Но её больше не было.
Я потеряла своего ребёнка.
И сколько бы лет ни прошло – эта боль никуда не исчезла.

Тишина, которую нельзя нарушать

Это была моя вина. Полностью моя. И я это прекрасно понимала.
Я могла отказаться от работы в тот день. Могла сказать Павлу, что плохо себя чувствую. Могла просто попросить его повесить эти чёртовы занавески. Но я не сделала этого.
Я снова и снова прокручивала тот момент в голове, как киноплёнку, которая не хочет останавливаться. Вот я беру тюль. Вот ставлю табурет. Вот поднимаюсь. Всё кажется обычным, привычным, безобидным. А потом – темнота.
Первые дни после больницы были самыми тяжёлыми. Я не плакала. Мне казалось, что если я позволю себе слёзы, то уже никогда не смогу остановиться. В доме было глухо и пусто, как будто вместе с ребёнком ушло что-то ещё, важное, невидимое, но осязаемое.
Несколько недель спустя Павел попытался поговорить со мной об этом.
– Катя... – начал он тихо, садясь рядом. – Давай поговорим.
Я знала, о чём он хочет сказать.
– Не надо, – резко ответила я.
– Но...
– Не надо.
Я не могла. Не хотела.
Будто бы, если не говорить о случившемся, можно сделать вид, что ничего и не было.
Что мы не ждали ребёнка. Что он никогда не умер.
Мы больше не разговаривали об этом.
Будто кто-то вычеркнул эти месяцы из нашей жизни.

Я, как прежде, ходила на работу, занималась домом. Каждое утро вставала, мылась, заплетала косу, готовила завтрак. Днём перебирала цифры в бухгалтерских отчетах, вечером убиралась, кормила скотину, стирала бельё. Всё было так же, но уже совсем не так.

Отношения с Павлом стали холоднее. Мы всё ещё спали в одной кровати, но теперь между нами будто была невидимая стена.

Мы всё ещё завтракали вместе.

Всё ещё навещали Лидию Ивановну.

Всё ещё говорили о мелочах – как прошёл день, что нужно купить, когда покосить траву.

Но о главном – молчали.

Вечером я засыпала, отвернувшись к стене, и чувствовала, как Павел лежит рядом, дышит, но даже не пытается меня обнять.

Мне казалось, что с той июньской ночи что-то в нас умерло вместе с Лизой. Что-то важное. То, что больше нельзя вернуть.

Жизнь после потери

Я не знала, как жить дальше.

Всё вокруг шло своим чередом – солнце по-прежнему вставало и садилось, петухи кукарекали по утрам, в доме пахло свежесваренным чаем, а я двигалась, дышала, говорила.

Но внутри меня ничего не было.

Я ощущала себя пустой, как старый заброшенный дом, где когда-то звучал детский смех, но теперь только эхо разносит по углам глухую тишину.

Ночами я лежала в темноте и слушала, как Павел дышит рядом. Казалось, если я притянусь к нему, если просто прижмусь, он обнимет меня, скажет что-то, что развеет эту пустоту. Но я не двигалась.

Я боялась, что если начну говорить, то скажу что-то не то. Что если заплачу, то он не поймёт. Что если прижмусь, он отстранится, потому что мы уже чужие друг другу.

Я хотела, чтобы кто-то сказал: «Ты имеешь право горевать».

Но никто не говорил.

Беременность потеряна? Значит, надо продолжать жить. Горе – это когда умирают взрослые, а ребёнок, который ещё не родился, – это не горе, а просто... неудача. Так, по крайней мере, казалось окружающим.

– Ты молодая, родишь ещё, – сказала однажды Лидия Ивановна, как будто этим можно было что-то исправить.

Я кивнула.

– Да, конечно.

Но внутри всё сжалось.

Я знала, что мне уже никогда не будет так легко и радостно ждать ребёнка. Если я когда-нибудь снова забеременею, это будет не радость, а страх. Страх, что всё повторится.

Мне хотелось исчезнуть.

Просто взять и уйти куда-нибудь далеко, где никто не будет спрашивать, как я себя чувствую. Где не нужно будет делать вид, что я справилась, где можно будет просто быть слабой, несчастной, такой, какая я была на самом деле.

Иногда, выходя во двор, я смотрела на наш недостроенный дом, на голубое небо, на белые облака, плывущие над головой.

И думала: а если бы она жила? Как бы всё было?

Я представляла маленькие ручки, тёплые ладошки, запах молока, крошечные пинетки, заботливо сложенные на полке.

И каждый раз эти мысли били меня током, заставляя резко выдыхать, словно кто-то выбивал из меня воздух.

Но я не позволяла себе плакать.

Я просто жила. Как машина, как механизм, запрограммированный на работу.

Я ходила на работу.

Я мыла полы.

Я кормила скотину.

Я улыбалась, когда надо.

Я делала всё, что положено женщине, которая не потеряла ребёнка.

Потому что иначе мне бы пришлось признать, что я его потеряла.

А я не была к этому готова.

Глава 4. И это пройдёт

Время лечит

Время лечит, так ведь говорят. Истинная правда. Шло время, и боль притихла, как ветер, утихающий после шторма. Я очень хотела детей, но после того случая забеременеть никак не получалось. Каждый месяц, когда приходила менструация, в сердце снова раздавался тот же острый укол, напоминание о том, что надежды разбиты.

– Ты знаешь, я всё равно верю, что у нас всё получится, – однажды сказал Павел, обнимая меня сзади, когда я стояла у кухонной раковины. Его голос был полон тепла и поддержки.

– Да, может быть, – ответила я, стараясь скрыть слёзы. – Но иногда кажется, что это никогда не произойдёт.

Наверное, Павел был послан мне небесами, потому что ни разу не упрекнул меня, не оскорбил. Он всегда был рядом, когда мне было трудно, и я знала, что могу рассчитывать на него. Да, я понимаю, что и не за что было. Но я знаю немало женщин, которых до сих пор обвиняют в неспособности произвести на свет ребёночка. Даже если проблема в мужчине.

Жизнь продолжалась. Ничего особенно не менялось. Дни сменяли недели, и я стала главным бухгалтером на заводе. Работа забирала много сил, но отвлекала от постоянных мыслей о детях. Павел начал ездить в командировки – на длительные. Каждый раз, когда он уезжал, я чувствовала, как в доме становилось пусто.

– Не скучай без меня, – говорил он, собираясь в очередную поездку. – Я скоро вернусь.

– Я постараюсь, – отвечала я с лёгкой улыбкой, хотя в душе меня переполняла тоска.

К нам на завод устроилась новенькая – Ирма. Помню, как мне понравилось её имя, да и внешне она была очень приятна: светлые волосы, озорные глаза, всегда готовая к общению. Очень скоро до меня дошёл слух о ветрености Ирмы, о её похождениях.

– Ты слышала? Ирма снова с кем-то флиртует, – шептала мне на ухо одна из коллег, когда мы обедали в столовой.

Я осуждала её за глаза, но никогда не показывала своего отношения. Мало ли, вдруг слухи – просто слухи. А если и правда, зачем портить отношения, если придётся работать дальше?

– Я не знаю, я бы на её месте так не поступала, – сказала я, стараясь говорить спокойно. – Но, возможно, у неё свои причины.

– Может быть, – согласилась коллега, – но это не слишком хорошо сказывается на репутации завода.

Ирма, казалось, не обращала на сплетни внимания. Она продолжала приходить на работу с улыбкой, легко общаясь с мужчинами. Иногда я ловила себя на мысли, что завидую ей. Она была свободна, могла позволить себе радоваться жизни, не думая о том, что кто-то осуждает её за выбор.

Время шло, и я старалась не заикливаться на слухах. Но иногда, когда Павел уезжал в очередную командировку, я оставалась одна со своими мыслями. И тогда, глядя в окно на вечернее небо, я задумывалась о том, как важно не терять надежду, даже когда кажется, что всё потеряно.

Прошло два года

Прошло два года. В один прекрасный день Ирма появилась на рабочем месте сама не своя. Бледная, как моль, задумчивая, она словно потерялась в своих мыслях. Я заметила, что что-то не так, но не лезла с расспросами. Однако вскоре она сама начала разговор.

– Знаешь, Катя, завидую я тебе, – начала она, её голос звучал тихо и грустно. – Живёшь как у Христа за пазухой. И все-то у тебя есть: муж золотой, работа стабильная, начальство тебя уважает. А я словно пустое место. Везде со мной, как с вещью, знаешь...

Я растерялась от её слов. В голове промелькнула мысль, что, возможно, она не понимает, как сложно бывает и у меня. Я попыталась ответить:

– Зачем ты так, Ирма? Разве много обо мне знаешь? И у меня бывают плохие дни. И я плачу. Просто знать об этом всем не нужно, вот и всё.

Отвернувшись к окну, стараясь скрыть свои эмоции. За стеклом весеннее солнце ярко светило, но мне стало холодно от её признаний. Ирма продолжила, и в её голосе звучала искренность, которая трогала меня:

– А чего тебе плакать? Вот мне не везёт по всем фронтам. Роман, ну тот, с кем я в прошлый четверг заходила, женат оказался. А я, дура, не догадалась. Вот почему он вечно искал укромные места для встреч, с родными знакомить не торопится. Говорил, рано ещё. А я наивная...

Я молчала, не зная, что сказать. Читать ей нотации не входило в мои правила. Да, я её осуждала, но не спешила говорить это прямо в глаза. Обычно я рассказывала последние сплетни мужу, зная, что далеко это не уйдёт. Я планировала обсудить Ирму с Пашей после работы. У меня не было подруг, а сестры были далеко. Я писала им письма, конечно, но про интрижки какой-то загадочной Ирмы им было бы неинтересно читать. Я думала об этом, когда Ирма, словно прочитав мои мысли, заговорила снова:

– Знаешь, Катя, я сейчас в такой ситуации. Врагу не пожелаешь.

Я заинтересовалась, чувствуя, как в груди нарастает напряжение.

– Вроде всё выяснилось, что не так? – спросила я, пытаюсь понять, что происходит.

Ирма неожиданно заплакала. Я была в лёгком шоке. Как-то не походила она на человека, способного испытывать муки совести, да и вообще – плакать. Я не знала, как себя вести, и просто сидела, глядя на неё с сочувствием.

– Я, кажется, беременна, – произнесла она, и в её голосе звучала такая безысходность, что мне стало её даже жаль.

Эти слова повисли в воздухе, как тяжёлое облако, готовое разразиться дождём. Я не могла поверить, что она действительно это сказала. В голове крутились мысли: как она будет справляться с этим? Что теперь будет с её жизнью?

– Ты уверена? – спросила я, стараясь звучать спокойно, хотя внутри меня всё перевернулось.

– Да, – Ирма кивнула, её глаза были полны слёз. – Я не знаю, что делать.

Я почувствовала, как сердце сжалось от её страха. В нашей жизни, полной неопределённости и трудностей, это было ещё одно испытание. Я попыталась найти слова поддержки, но они не приходили.

– Ирма, – наконец произнесла я, – ты не одна. Мы можем это обсудить. Я могу помочь тебе, если ты захочешь.

Её взгляд встретился с моим, и в нём я увидела надежду – маленький огонёк, который, возможно, мог разгореться. В этот момент я поняла, что, несмотря на все наши различия, мы обе были женщинами, которые сталкивались с трудностями и искали выход.

– Спасибо, Катя, – тихо сказала она, и я почувствовала, что между нами возникло нечто большее, чем просто коллегиальные отношения. Это было понимание, которое, возможно, поможет нам обеим справиться с тем, что ждёт впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.